

4050660

4th 318.

Новый Восток Журнал

Научной Ассоциации
Востоковедения
Сороса С. С. Р.

Под общей редакцией
М. Павлова.

Nouvel Orient

Revue de l'Association Russe
pour les Etudes Orientales
Rédacteur en chef
Michel Pavlovitch

Журнал 16-17
МОСКВА № 364

На Аму-Дарье.

(Этнографическая экспедиция в Керкинский округ ТССР).

После нацразмежевания Средней Азии, прежнего Туркестана, в Туркменистане, бывшей Закаспийской области, постепенно начала развиваться научная работа и ставиться научные задачи. Условия здесь были достаточно неблагоприятны: далекое расстояние и оторванность от научных центров, колонизаторская политика царизма, отдавшего край во власть начальника области и военных органов, и меньше всего интересовавшегося жизнью населения; отсутствие, в силу этого, каких-либо научных традиций, которые имеются на лицо даже в маленьких русских городах, где существует преимущество музейной и краеведческой работы. В Ташкенте дело могло развиваться, благодаря наличию университета и крупных востоковедческих сил; в далеком Полторацке научных работников не было, и музей, хотя и существовал давно, но представлял собой очень жалкую и допотопную кунсткамеру. Научной литературы о Туркменинии почти не существует, особенно в области этнографии и истории; есть только несколько статей, напечатанных в «Закаспийском кружке любителей археологии», популярная книжка капитана Михайлова, довольно ценное исследование Ломакина об обычном праве и несколько устарелых, большей частью, военных мемуаров.

А между тем, Туркменистан, этот кусок земли, ограниченный с юга Капет-Дагским хребтом, с запада Каспийским морем, с востока Аму-Дарьей и с севера землями киргизов и кара-колпаков, представляет собой совершенно исключительный интерес как в своем прошлом, так и в настоящем. Земли по сю сторону Капет-Дага, вероятно, составляли часть Ассирии; жители их, хорезмийцы, гирканы и парфяне упоминаются позже у Геродота (I, 21, 201, 204); он говорит о том, что они были земледельцы, и что у них была уже оросительная система. Четыре области: Бактрия (север Афганистана и юг туркменской Аму), Гиркания (побережье Каспия), Парфия (Ахал-Текинский оазис) и Хорезм (Хива) входили, как сатрапии, в персидскую монархию и перечисляются в Бехистунской надписи Дария Гистаспа. Походы Александра Македонского шли через Аму, и по смерти его, там образовалось греко-бактрийское государство; далее, со II века здесь было большое госу-

дарство Ючежи, или тохаров, близких к скифам, обнимающее район между Сыром и Аму, Зеравшанскую долину (т.-е. Согдиану) и Хорезм. Здесь были крупные центры, как христианско-несторианской, так и буддийской культуры, развитое земледелие и богатые города; здесь шла оживленная торговля с Китаем, влияние которого росло здесь уже со II в. н. э. Арийско-скифская культура сменялась тюркской в VI в. (тюрки-туку) и арабской в VII в.; в IX в. расцвела персидская монархия Саманидов; затем здесь же сменялась власть тюрков-караханидов, сельджуков, Чингисхана и Тимура.

Уже схематическое перечисление смены культур на почве Туркмении показывает, чего можно ожидать от серьезной научной разработки ее недр. В данный момент Туркмения представляет собой степь, почти пустыню, которая только на два весенних месяца покрывается травой и пестрым ковром тюльпанов и маков; в остальное время это — бесплодная равнина, покрытая колючками, пастбище овец и верблюдов. Орошенные оазисы тянутся узкой полосой по берегам Аму-Дарьи, Мургаба и Теджена и у подножья Капст-Дага. Но громадные площади песков таят в себе пласты древних культур. Близ Бахардена и Серакса движение ветров обнажает пески и открывает остатки ирригационных сооружений и городов, и возможно, что будущие раскопки песков дадут нам сокровища не менее ценные, чем то, что найдено Козловым в Хара-Хото. Но пока все это спит вековым сном, не привлекая ничего внимания. Надземные памятники Туркмении — громадные развалины Мешед-и-Мессериан на Атреке, старый Мерв со знаменитой мечетью султана Санжара (XII г.), величественная мечеть Анау, памятники Куны-Ургенча — гибнут и разрушаются от времени и хищений окружающего населения и даже местных учреждений.

Что касается современного Туркменистана, то он не менее важен и интересен для этнографа, чем старый для археолога и историка. Не говоря уже о той азбучной истине, что для строительства новой жизни нужно глубокое изучение бытового уклада, но и с общенаучной точки зрения Туркменистан очень значителен. Здесь можно изучить чистые формы кочевого хозяйства, родовой быт в его полной неприкосновенности, очень древние формы брачных отношений и народной религии. Здесь — богатейший материал для историка культуры, и на эту почву еще почти не ступала нога этнографа.

Сейчас открываются новые перспективы. В молодой республике, организованной два года тому назад, зимою 1925 — 26 года создан научный исследовательский институт, первой задачей которого явилась разработка подробного плана изучения края. В апреле выехала первая научная экспедиция, имевшая целью этнографо-антропологическое изучение одного из новых и наименее исследованных округов, Керкинского. Во главе ее стояла пишущая эти строки, а персонал со-

стоял из двух студентов-антропологов, художницы и переводчика. Экспедиция института соединилась с отрядом Красного Полумесяца, который имел задачи не только лечебные, но и научные: предстояло обследование санитарного состояния края в связи с его бытовыми условиями. Делом этим заведывал д-р М. Н. Рубин, и, понятно, что его работа тесно соприкасалась и часто сливалась с задачей моей, как этнографа.

Что касается археологин, то здесь возможна была только предварительная рекогносцировка. Но и она дала очень много и определила направление, по которому надо будет в ближайшие годы вести работы.

Керкинский округ представляет собой узкую культурную полосу по обоим берегам Аму; на севере он граничит с Чарджуйским, на юге его последний пункт Келиф; на востоке и западе — пески. Эта область входила когда то частично в Согдиану, частично в Бактрию. По обоим берегам Аму расположены старые крепости «кала», из которых некоторые еще совсем недавно, до падения власти эмира, были действующими; на верхушке их были укрепленные дворцы беков. Все эти постройки совершенно разрушены во время гражданской войны, и теперь «крепости» представляют груды развалин, взрытых снарядами, так что пласты переворочены, а окружающее население устраивает из них каменоломни. При таком положении дел, ни про один найденный черепок нельзя сказать, что он находится *in situ*. Поверхностное изучение и обмер крепостей заставляет предполагать, что крепостью можно назвать только верхушку, а сами холмы представляют собой то, что Помпелли в своей работе о городище Анау (12 верст от Асхабада) условно назвал курганами. Особенность их в том, что культурные пласты расположены не горизонтальными слоями, а концентриками; таким образом, на одном уровне можно найти остатки, хронологически далеко отстоящие друг от друга. Среди черепков, вывезенных нами из поверхностных (раскопки, повторяю, не могли еще производиться) слоев «крепостей» Керкичи, Мирзамбека и Келифа, некоторые, по типу орнамента (темные полосы по светлому глиняному фону), совершенно сходны с орнаментом нижних слоев Анау, эпохи неолита и ранней бронзы; анауская же культура тесно связана с эгейской, с одной стороны, и китайской — с другой. Таким образом, раскопки на Аму могут дать богатый материал для изучения той почти неведомой еще культуры, над которой приоткрыли завесу раскопки Помпелли в Анау, произведенные в 1905 г., не законченные и не продолжавшиеся с тех пор; в Средней Азии в древнейшие времена существовали крупные центры, находившиеся в оживленных торговых и культурных сношениях с Египтом, Грецией, Передней Азией и Китаем, центры пересечения величайших цивилизаций античности и древнего Востока.

Само население Керкинского округа, как и более восточных областей, нередко связывает свои старые кала, с именем Искандера, Александра Македонского. Легенды о нем проникли далеко по Средней Азии, до Ферганы и Памира. И, несомненно, Александр строил здесь укрепления, а, может быть, пользовался и старыми; Ариан говорит, что он нашел здесь полу-феодальный строй и земледельцев, живших в полу-феодальных замках, — *erumata*. В Керкинском округе находятся монеты эпохи Александра и позднейшей греко-бактрийской. Нам же посчастливилось найти замечательную терракотовую головку, которую я, по предварительному изучению, склонна относить к этой же эпохе, если не соблазниться предположением, что она гораздо более ранняя. Прическа и стиль головного убора — греческие, но тип лица показывает влияние восточного искусства, в частности, ранне-вавилонского, шумерийского; тщательное исследование других образцов, которое уже предпринято, даст ключ к ее загадке и, может быть, приведет к совсем новым открытиям в области греко-бактрийской культуры и сложной сети восточных и западных влияний, которые в ней перекрещивались. Рядом с этими древними образцами вперемежку лежат черепки более позднего, мусульманского стиля, типичные голубые и зеленые изразцы и обломки глазурованной утвари.

Богатейший совершенно новый материал по истории художественного стиля, а, следовательно, и скрещивающихся культурных влияний, даст современное туркменское искусство, как архитектура, так и деревянная резьба — колонны, двери и ларцы. Здесь открываются совершенно новые перспективы. Предвосхищать их еще рано; многочисленные зарисованные образцы тщательно анализируются нами теперь на месте и будут изданы вместе с нашим полным научным отчетом. Но уже теперь можно сказать, что здесь мы имеем стиль совсем отличный от западной Туркмении. Там господствует, в форме жилья, круглая с'емная кибитка; созданная на почве кочевого быта, она осталась любимым жильем и тогда, когда перешли к оседлости. На ряду с ней — наскоро построенные простые глинобитные дома. Здесь же на Аму, эти глинобитные дома доминируют. Они дешевле, чем «черная кибитка», и признаком хорошего тона, необходимым подарком уважающего себя жениха, считается эта последняя. Но при бедности населения, черные кибитки крайне редки. Глинобитные же постройки, «диволы», крайне своеобразны. Эти огромные, нередко двухэтажные «замки», невольно заставляющие вспомнить ариановские *erumata*; с зубцами и бастиянами, с такими толстыми стенами, что в них помещаются комнаты, с внутренним обширным двором и массивными воротами, с неизменными четырьмя полуколоннами и геометрически-орнаментированной кладкой. Какова связь этой архитектуры с Грецией, с египетским храмом и его внутренним двором? Этот вопрос на очереди. Колонна, как глинобитная, так и деревянная, тоже служит загадкой, первая — глад-

кая, напоминающая дорическую, но без типичной капители; вторая — крайне причудлива, большей частью тоже без капители, но с перехватами и резьбой на стволе, и напоминает то египетскую, то индусскую. Так же орнаментированы двери и ларцы; с другой же стороны, орнамент представляет замечательные черты сходства с древне-русским искусством.

Традиции очень древнего искусства сохранились, таким образом, в довольно чистом виде, и все это у населения совершенно нищего, темного, поголовно неграмотного. Если в области археологии нашей экспедиции удалось только произвести рекогносцировку, то в области этнографической мы смогли широко выявить все бытовые характерные особенности края. Туркмены, как часть тюркских племен, начали двигаться к своей нынешней территории уже с VI в. н. э.; к этому времени относятся первые упоминания арабских писателей, которые прямо называют салоров, одно из шести крупных туркменских племен. Определенно мы слышим о туркменах в X—XI в.; они, по всей вероятности, являются ветвью тюрков-караханидов; в XI в. они проникают в Персию и разрушают монархию Газневидов; частью их являются сельджуки, объединившие в XII в. Персию, Месопотамию, Хорезм и области Аму и Сыра. После распада Тимурова государства кочевые племена туркмен окончательно заняли свою нынешнюю территорию; весь XVII и XVIII в. шла их борьба с Персией и Хивинским ханством и между собой. И лишь к половине XIX в. они начали оседать в определенных частях территории, переходя к оседлому и земледельческому быту.

Туркмены распадаются на шесть крупных племен: иомуды, теке, гокланы, салоры, сарыки, эрсари и множество мелких, как чаудор, боят, каркын, олам и др. Каждое племя («тайфа») делится на роды, роды — на колена, колена — на подколена, иногда до 5—6 подразделений. Каждый туркмен очень хорошо знает свое происхождение и принадлежность к той или иной группировке, но отчетливее всего он чувствует самое крупное («тайфа») и самое мелкое, коленное («тире» или «уруг»); промежуточные для него не играют конкретной роли, и он их нередко путает. Одной из главных задач нашей этнографической работы было установление племенного и родового состава Керкинского округа. И это удалось сделать в довольно полной мере. Методом анализа легенд и преданий, разбора номенклатуры племен и скудных исторических данных удалось выявить следующее.

В силу каких-то фертурбаций на Мангышлаке (с.-з. часть Туркмении), вероятно, борьбы с киргизами, ряд туркменских племен в половине XVIII века двинулась вверх по Аму. Часть отставала и оседала по дороге, к югу докатились лишь немногие, поэтому в Ташауском и Чарджуйском округе состав населения гораздо пестрее, чем на юге. Еще в Чарджуйском округе в каждом кишлаке живут перемешанно осколки

племен; в Керкинском же в каждом кишлаке население более или менее едино и монолитно. В виду того, что в легендах об этом передвижении постоянно упоминаются, как враги с юга, персы, все это не могло быть позже созданий самостоятельного Афганистана, т.е. 70-х—80-х гг. XVIII в., да и другие легенды говорят о том, что «с тех пор жило семь поколений». В Керкинском и Чарджуйском округе осело крупное племя эрсари; оно делится на четыре рода: кара, бекоуль, улук-тепе и гуняш; первые два живут в Чарджуйском, вторые два занимают Керкинский. Но осколки кара почему то дошли до самого юга и занимают там несколько кишлаков вокруг Чаршанги. Таким образом, роды улук-тепе и гуняш являются преобладающим населением округа; каждое распадается на множество колен. Кроме того, в одном кишлаке на западном берегу, к северу от Керки, живет совершенно самостоятельно маленькое племя каркын, часть которых находится и в Чарджуе, а восточный берег, в северном углу, сплошь занят племенем олам. Как бы ни было мало племя, но оно всегда осознает себя, как таковое, и, наоборот, есть очень крупные колена, напр., караджа и итбаш, которые, однако, племенем себя не назовут, и признают себя только коленом эрсари. Всякий караджа всегда на вопрос, кто он, ответит: «эрсари, караджа», но нередко задумывается над вопросом о принадлежности к роду Улук-Тепе или Гуняш. Конкретной величиной являются только племя и колено. Несмотря на то, что живут и хозяйствуют вместе, племена все же резко обособляются: строго держится древний институт брачной эндогамии¹⁾, и оламец, например, продает дочь эрсарианцу только, если «в кибитке уже не будет ни одной лепешки и ни одной щепотки чая». Тем паче не может быть брака между отдельными народностями, между туркменами и узбеками, которых много в южных районах, Ташрабатском и Келифском, на границе Узбекистана и в самом Керки. Между «тире» эндогамии нет, брачных запретов не существует, но охотнее все-таки устраивают браки внутри «тире». В этом бытовом смысле родовой уклад еще вполне жив. Также жив институт родовой мести, хотя советское право и начинает пробивать в нем брешь. За убийство мстит все «тире», борются между собой более мелкие подколennые деления и мстят ближайшие родичи; в общем же, родичами («кардаши») считаются все члены «тире». Ощутима, как мы уже говорили, и общая племенная связь; маленькая кучка салоров, живущая рядом с олам в Керкинском округе, вполне эндогамична по отношению ко всем другим племенам, но они хорошо помнят свою связь с основной группой салоров, живу-

1) „Эндогамия“ — запрет внешних браков и обязательные браки внутри группы; „экзогамия“, наоборот, запрет внутренних браков и обязательство брать жену извне. Может быть родовая экзогамия при племенной эндогамии и, вообще, различные комбинации этих противоположных институтов. В науке вопрос о том, каковая из этих двух форм более примитивна, и каково их происхождение, до сих пор еще очень спорен и вызывает обширную полемическую литературу.

щих на р. Теджене, близ Серакса, и охотно вступают с ними в брак. Родовая связь гораздо сильнее территориальной. Из одного тире в другой возможен переход; если человек поссорился с родичами, он идет в другую группу; его принимают и помогают ему в борьбе против прежних родичей.

Каждый туркмен особенно резко отмежевывает себя от других нетуркмен. Некоторые говорили нам, что в рай («дженнет»), попадут одни туркмены. Стоит прочесть страстные выпады старых туркменских поэтов, какого-нибудь Зелили (начало XIX в.), против вековых врагов, хивинских узбеков:

„Ватношанные, длиннорукавые, в лисьих кафтанах,
„Жрут конину и чай запивают за ней,
„Как у зайца, душа в них, а телом они великаны,
„Десять тысяч не стоят десятка мужей.
„Любят лишь свою похоть, все силы на блуд расточают,
„Душу им усладить может только бача ¹⁾.
„Им двугорбый верблюд удалого коня заменяет,
„И лопата в руках у них вместо меча,
„И слова хивинца упрямы, бессвязны, убоги.
„Он простое ущелье долиной зовет
„И тропинку в степи величает широкой дорогой,
„И дрянное холмишко вершиной высот“ ²⁾.

О своем происхождении эрсари имеют множество преданий, в которых фигурирует мифический родоначальник, Эрсари-бай и его четыре сына; оламцев же они презрительно называют «Курама» (смесь, сброд) и производят их не от законных жен, а от наложниц Эрсари-бая; по одним версиям, они прижили своих детей от самого Эрсари, по другим — от тайных связей с персами. Оламцы же в своих преданиях производят себя от иомудов, тоже принявших участие в передвижении с Мангишлака, занявших пустынные места близ Аму и отвоевавших их от эрсари.

Олам, как небольшая группа, подверглась гораздо более об'узбечению, чем эрсари; живя рядом, они отличаются многими бытовыми черточками, женщины более порабощены, более закрыты, и даже одежда их иная. Надо, вообще, сказать, что покрой женского халата везде довольно вольный; даже фабричные уродливые ситцы почти везде вытеснили красивую и прочную дмотканую бязь и шелк; но зато головной убор строго традиционен и отличается в каждой местности и у каждого племени: то это высокий войлочный клубок, окутанный шелковыми шарфами и украшенный стреловидными серебряными пряжками, то

¹⁾ Намек на педерастию.

²⁾ Цитирую по своему сборнику переводов старых туркменских поэтов, выходящему скоро из печати.

шесть или семь слоев шелковых кокошников; в одном месте обязательны огромные серебряные бляхи, в других бисерная подвязка под подбородком. Все это как бы «тавро» племенного и родового разделения.

Но подчеркивая бытовую живучесть родового уклада в области Аму-Дарьи, мы должны оговориться по одному очень существенному вопросу. В экономическом отношении родовой быт изжит совершенно. Это, на первый взгляд, очень поражающее явление. В других областях Туркменистана, в Ахал-Текинском и Мервском оазисе, наряду с «мюльком», частной собственностью на землю, еще очень жив «сенашик» — земельная община, сопряженная с брачным правом на землю; земельные переделы происходят между всеми женатыми. Но и при мюльке обязательную долю наследования имеет род, колено. Здесь же на Аму-Дарье единственной формой землепользования является мюльк, на вполне «римских» началах гражданского права. Земля наследуется по прямой линии; ближайшие родичи участвуют только в случае выморочности имущества; самое замечательное уже то, что долю наследства ($\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$ — смотря по местности) имеет даже вдова и дочери. Разумеется, при полном бесправии туркменской женщины, кусок земли, полученный по наследству, фактически идет во владение мужа, но чрезвычайно интересен принципиальный момент: женщина все-таки юридическое лицо.

Такое развитие частной земельной собственности объясняется природными и экономическими условиями. В Ахал-Теке ирригация проведена из ровных горных речек или из системы сообщающихся подземных колодцев, кяризов; здесь же все зависит от шалого и капризного течения Аму, которая беспокойно мечется в своих оползающих берегах, вечно круто меняя фарватер, то размывая и разрушая целые селения, то отпатываясь в сторону и оставляя их без воды. Отсюда — каторжный, сизифов труд, при примитивнейших орудиях и очень низкой производительности. Мало что осталось в туркмене Аму-дарьинских степей от прежнего лихого кочевника, грозы и ужаса окрестных оседлых местностей; теперь это нищий мученик, согнутый, как предок каменного века, над своим примитивным деревянным омачем, или поднимающий воду по арыкам из Аму и из арыков по полям «новой». Нова — род бревенчатого желоба, который подымается и опускается мускульной силой человека, нагнетая воду; редко где встречаешь «читри», колеса с кувшинами, которые вращаются по кругу верблюдом; о машинном подеме и не слыхивали. Сама же Аму нигде не дает достаточного подема воды. Такой труд, с одной стороны, максимально-интенсивный, с другой максимально-непроизводительный, должен породить страстное цепляние за политый кровью и потом клочек земли.

Население Керкинского округа очень бедно; это могла бы быть богатейшая житница хлопка, но трудно, при нынешних экономических

условиях, заставить население заменить хлопком свой чисто потребительский засев. Сеют почти исключительно джугару, кормовой злак, идущий, в виде муки, и на пищу людям. Питается население почти исключительно отвратительными и вредными для желудка джугаровыми лепешками и чаем без сахара; изредка к этому прибавляется кислое молоко («чал») и сухой творог («катык»), яйца и осенью дыни, более богатые по праздникам едят баранину с рисом (плов). Население разорено последней гражданской войной и массовой эмиграцией в Афганистан; многие аулы представляют груды развалин; лишь теперь началась интенсивная реэмиграция, но край еще только начинает оправляться, и во многих местах еще бродят шайки «басмачей» — выродившиеся уже, как это было и с украинским политическим бандитизмом, в чистую уголовщину. Едва ли будет парадоксом, если мы скажем, что нищие реэмигрантские поселки, застроенные только соломенными шалашами, послужат главным оплотом нового строительства и фактором замирения и советизации края; слишком уж разительна для вернувшихся разница между Афганистаном, куда они угнали свои богатые стада, увлекаемые эмиром и духовенством, и где превратились в батраков, и новой властью здесь, которая принимает их с наделом земли и семенной ссудой.

Хозяйства крайне парцеллярны; у бедняков (а их 50—60 %) количество земли колеблется от $\frac{1}{2}$ до 2 тананов (танап = $\frac{1}{4}$ десятины); у баев же (богачей) — не больше 10—15. Богатство бая не в земле, а в огромных, до 4.000 голов, стадах каракулевых овец, которые круглый год пасутся в песках с нанятыми пастухами («чопанами»). Многие мало-земельные арендуют землю с орудиями и семенами на кабальных началах возврата $\frac{2}{3}$ урожая или идут на очень тяжелые условия в батраки (15—20 рублей за сезон).

Семейный быт туркмен и закрепощение женщины здесь еще более выражено, чем в других западных областях Туркмении. Ведь всего 4—5 лет, как край начал выходить из-под деспотической власти эмира и влияния духовенства. Везде еще духовные школы, — мектебы, где толкуют коран, но не выучивают ни читать, ни писать, — привлекают детей, вернее, их родителей, гораздо больше, чем советская школа, которая лишь начинает пускать слабые ростки и не имеет еще достаточного педагогического персонала.

Аму-дарьинская туркменка, как и везде, является полной собственностью отца и мужа. Несмотря на попытки запрета калыма, покупной суммы за жену, он действует еще на 100 %, даже среди аульной верхушки. Цена калыма за девушку от 500 до 900 рублей, за вдову от 300 до 600, смотря по молодости и достатку ее. Такая цена дает возможность раннего брака только баю; бедняк же обречен на долгое безбрачие. Отсюда ряд тяжелых половых извращений. Отсюда же неравные по возрасту браки: старик, накопив деньги, берет молодую, нередко

будучи уже импотентным, что даже по шариату (мусульманскому праву) считается поводом к разводу. Для женщины нет выхода; измена карается смертью или жестокими истязаниями, а соблазнитель или тоже должен быть убит, или отделяется крупным штрафом, вирой. Но зато существует то, что можно условно назвать проституцией; продается не сама женщина, которая никогда не бывает одинока и самостоятельна, а муж, обычно побуждаемый тяжелой нуждой; несомненно, существуют, и мы нападали на их следы, и организации посредников.

Многоженство разрешается в норме четырех жен; наличие пятой жены уже может быть поводом к разводу, по шариату. Зато может быть неограниченное количество «кырнак», наложниц, находящихся на положении батрачек и большей частью добытых при набегах; еще не так давно в Гассан-Кули спаслась с ребенком на руках 18-летняя русская, с 14 лет находившаяся на таком положении в пограничном ауле. Она ездила с нашей экспедицией в качестве санитарки-переводчицы и, благодаря ей и ее безукоризненному знанию туркменского языка, мы могли проникнуть в жизнь туркменской женщины так, как это никогда не мог бы сделать мужчина-этнограф, а д-р Рубин добыл около полутораста полных анкет о физическом развитии и половой жизни женщины.

Но фактически многоженство на Аму редко; оно слишком дорого стоит. Нередко, однако, муж, имеющий полное право развода, выгоняет стареющую жену и берет новую, молодую. Это — многоженство, растянутое во времени. Жена же, хотя для нее и существуют упомянутые уже шариатом поводы развода, по адату (обычному праву) не может сама начать дела.

Вдова возвращается к отцу, и он снова продает ее, дети же ее остаются в семье мужа. Но все же наличие малолетних детей несколько защищает женщину, если она не хочет второго брака. Преимущественное право на нее имеет брат ее первого мужа (пережитки древнего обязательного «левирата»), но он должен уплатить отцу второй калым. Нередки случаи умычки; не могущий уплатить калыма похищает свою нареченную невесту или даже девушку со стороны. Но за то он подвергается опасности мести со стороны рода женщины, если ему не удастся, при посредничестве какого-нибудь почетного лица, договориться мирно с родителями.

Брачный возраст на Аму выше, чем в других областях Туркмении — 15—16 лет. Но и половое развитие здесь очень позднее: менструации, насколько удалось выявить в упомянутых анкетах — наступают в 15—17 лет, а климактерический период уже в 40—45 лет. Поэтому нередко брак начинается до наступления половой зрелости, и это, как и все упомянутое выше о половой жизни в туркменском браке, ведет к болезням и вырождению; постоянны жалобы женщин на гинекологические заболевания, на выкидыши и бездетность. При этом гигиени-

ческие условия самые ужасные. По строгой традиции женщина рождает, сидя на корточках на земле; при тяжелых родах плод выдавливают ударами в живот, протягивают ее сквозь баранью шкуру, поят настоями из мух, знахари («табибы») бьют в барабаны, стреляют, чтобы отогнать злых демонов («джинов»). После родов и роженицу и ребенка моют только на 3-й и 40-й день. Детей кормят до 4-х лет, держат их в невероятной грязи. Детская смертность доходит, при приблизительных подсчетах, до 80%, детской болезнью является повальная оспа. Табибы имеют свою систему прививки: растертую вместе с золой и песком корку больного оспой втирают между большим и вторым пальцем руки. Отсюда — флегмоны, нарывы, острая пиэмия...

Кроме оспы, бичом кишлака являются трахома, кишечные заболевания и бытовой сифилис. Все это ведет к грозной картине вырождения. И хотя в области советской медицины сделано за короткий срок очень много, но табиб все еще царствует над кишлаком: вывалившиеся кишки он зашивает простыми нитками, раны присыпает кожей и хлопком, глаза замазывает красной краской — «хной», коклюшных детей протаскивает сквозь особые земельные траншейки. А главное лечение — молитвы и амулеты. И женщины, и дети увешаны матерчатыми и серебряными ладонками и зашитыми молитвами или плетениями из волос жертвенного барана или верблюда, который считается священным животным. Такими же амулетами увешаны дома, плодовые деревья, заборы; такую же роль отвода дурного глаза играют кости животных, принесенных в жертву в главный праздник Курбан-Байрам.

Опутанная суеверием, окованная властью мужчины, туркменская женщина проводит жизнь в домашних работах. Она доит скот, вялит кошмы, плетет цыновки, тклет шелк, бязь (мату) и ковры, мелет муку на ручном жернове и печет лепешки на очаге без трубы, необходимой принадлежности каждой кибитки. Она еще не видит даже зари новой жизни. Слишком упорным трудом еще приходится пробить брешь в психологии мужчины, работа среди женщин принципиально оттолкнула бы его, и поэтому сознательно еще не начинают действовать среди женщин; женотдел еще не проникает на Аму за черту города.

На почве столкновения и сосуществования старого адата с новым советским правом вышиваются очень своеобразные узоры. Гонимый калым... растет в цене. Нарсуды отказываются считаться с калымом, как с гражданским иском, но его представляют в виде уголовного дела о похищении женщины. На почве развода развивается совсем особая спекуляция: отец продает дочь за калым, а потом разводит ее по советскому праву и продает снова. И нарсуды начинают ограничивать разводы, допуская его только по определенным поводам: истязания, венерические болезни, многоженство. И это совершенно правильно в данных бытовых условиях, где развод идет на пользу только родичей, а не самой женщины.

Вопросы брачного возраста, калыма, развода крайне животрепещущи сейчас в туркменистанских условиях, и в этом отношении материал, собранный нашей экспедицией, представляет, помимо научного интереса, большую актуальную важность и уже используется в комиссии законодательных предположений ТССР.

Суды казиев, судивших по шариату, и аксакалов, старейшин (буквально «белобородые»), изживаются, и нарсуды в чисто уголовных вопросах начинают завоевывать положение. Но родовая месть все еще жива и действенна. Аксакалы же все еще существуют и порою просто переименовываются в аулсовет или действуют рядом с ним.

Наша экспедиция пристально изучала религиозный быт и верования. Надо сказать, что среди кочевого населения, каким были еще недавно туркмены, роль ислама и мусульманского духовенства слабее, чем у оседлых узбеков, фанатизм меньше. Религиозные обязанности ограничиваются пятикратным намазом, и «тот попадет после смерти в дженнет, кто усердно творит намаз». Больших мечетей нет, хотя в каждом кишлаке есть отведенная под молитвы по пятницам кибитка, «намаз-хана». Большую роль играют муллы, но это, собственно, не духовенство, а просто грамотные люди, прошедшие духовную школу, низшую (мектеб) или высшую (медресс). Мулла действует при свадьбах и похоронах, читает молитвы, дает амулеты, имеет влияние просто в силу своей большой культуры, он же обычно таиб. Обслуживающие мечети муллы называются и мамы. Но, кроме того, есть группа лиц, известных своей святой жизнью, почти вроде еврейских цадиков; они могут быть и неграмотны, но они отличаются от других тем, что они «сидят дома, плачут, молятся, не разговаривают с русскими, не курят». Это и шаны или суфи; высший из них — вули; они его «мюриды» — ученики, и получают от него посвящение. Вули пророчит будущее, знает загробную жизнь каждого, понимает язык животных. Но суфи на почве Туркмении далеко не то, что мистическая секта суфи у узбеков с их безумными радениями; здесь все гораздо трезвее и проще. Официальный ислам преломлен через крайне интересные и первобытные анимистические верования, дающие при анализе их очень важный материал для сравнительной истории религии и социологии. Все наполнено зловредным духами, аруахджинами; большого эпилепсией хватает аруахджин; он превращается и является людям в виде разных животных и огня. Ведьма Албасты портит беременных и рожениц; она убивает детей во чреве, вид у нее старухи, с хвостом, рогами и вывороченными кишками, — след ран, нанесенных пророком Али. Каждый человек боится порчи; взглянуть может каждый встречный, и поэтому все, — и люди, и предметы, ограждаются амулетами. Есть и любовная присушка и отсушка, и наведение порчи. Пережитки тотемизма ярко сквозят в звериных названиях родов и колен, в значениях, которые имеют кости

и волосы верблюдов и баранов, как амулеты. Можно проследить и древние «табу» в делении животных и птиц на священных и нечистых. Яркий пример первобытнейшего анимизма пришлось мне наблюдать при попытках зарисовки одной новобрачной в ее головном уборе: «мы так дорого заплатили за нашу невесту», — говорила мне свекровь, — «а вы хотите ее у нас отнять». Изображение человека — его душа, поэтому дикарь так боится фотографии и рисунка. Этот запрет изображения прошел через все мусульманство. Интересно, что даже куклу туркменская девочка делает без лица, перекрещивая только место его нитками.

Загробные верования тоже ярко окрашены туркменским бытом. На страшном суде будет пропасть, через пропасть мост; по одну сторону сидит Шайтан — дьявол, в черной кибитке, по другую Мухамед — в зеленой. Мост защищает пророк Али, не пуская туда души праведных; Аллах думает, как быть. Чтобы обмануть Али, он превращает души в баранов, себя в проводника, кричит «чу, чу» и гонит их к раю. В аду (доудях) — жар, огонь, убегаящая вода, скорпионы; в раю (дженнет) — холодок, хорошие кибитки, чай, плов и много женщин; прежние жены придут к своим мужьям, а для холостяков есть запас из умерших.

Умершего в гробу допрашивают два ангела; поэтому могила делается такой глубины, чтобы он мог сесть. Умершего хоронят немедленно, обмыв и прочтя над ним молитву, без гроба.

Торжественным обрядом является первая стрижка волос мальчика, которую проделывает непременно брат матери. В таком выдвигании материнских родичей, как и во всей номенклатуре родства ясно сквозят пережитки матриархата. В 10—12 лет мальчика обрезают и устраивают по этому поводу большой праздник; праerutium вешают в кибитке, и он служит потом магическим и целебным средством.

Чрезвычайно интересны обряды свадьбы, с их глубоко древними пережитками. Подробно разбирать их невозможно в рамках короткой статьи. Отмечу только роль рода и родичей в символической борьбе и умычке невесты; потом невесту увозят в особом шалаше на верблюде к жениху, а новую кибитку везут вместе с нею. После первой ночи всем показывают окровавленную рубашку, если крови нет, муж может отвергнуть жену и получить обратно калым. Очень интересен обычай «табу» тещи и всей семьи жены для мужа; многие месяцы он не смеет даже издали смотреть на них, пока теща не устроит торжественного плова и не подарит ему халата. Это табу встречается у большинства первобытных народов и объясняется, вероятно, защитой новой семьи от кровосмешения, которое было необходимо при социальной организации семьи и выделении ее из первобытного группового брака.

Все обряды и праздники туркмен дают богатейший фольклорный материал, который мы сейчас затрагиваем лишь вскользь и который будет подробно проанализирован в специальной работе.

Нами записано много сказок, представляющих очень интересное сочетание обычных «бродячих» мотивов, особенно персидских и арабских, с картинами туркменского быта; в них много юмора и сатиры, образы кази, мулл, суфи и т. д. Песни — или старые любовные, или новые, политические, с мотивами гражданской войны и басмачества.

Остается еще упомянуть о наших антропометрических работах. Впервые удалось собрать довольно крупный материал — 130 полных измерений среди одних эрсари. Работа эта была сопряжена с крайними трудностями; ее приходилось делать незаметно, под флагом медицинского осмотра, так как везде пускались темные слухи о том, что «носы мерят», чтобы забирать в Красную армию. Материал анкет разрабатывается в Ташкенте проф. Ошаниным.

Таковы в кратких чертах итоги первой научной этнографической экспедиции на почве Туркменистана. Нечего и говорить о том, что это должна быть первая ласточка, первый камень большой работы, охватывающей всю территорию, часть большого плана, намеченного научно-исследовательским институтом ТССР для освещения прошлого и настоящего одного из древнейших и интереснейших уголков мира.

4050677

5-й экз. ✓

Новый Восток

Журнал

Научной Ассоциацией
Востоковедения
Союза С. С. Р.
Основан
М. Павловичем

Nouvel Orient

Кн. 20-21

МОСКВА

1928

Страницы туркменской поэзии.

Если с эпохи Возрождения европейская поэзия питалась, главным образом, корнями греко-римского мира, то с конца XVIII в. и особенно в дни романтизма в Европу начали вливаться струи с Востока. Еще Гете увлекался Хафизом и, синтезируя его со своим собственным «я», создал свой «Westöslicher Diwan». Не дифференцируя общее и расплывчатое понятие «Востока», Европа переводила и читала, главным образом, Персию, героический эпос Шах-Намэ и любовную лирику Хафиза. Фитцджеральд познакомил Англию с Омаром Хаййомом, хотя и и перделанным на свой лад. С другой стороны, пробудился интерес к санскритской Индии, а в последнее время к Китаю и Японии.

Но поэзия кочевого народа, поющего свои песни среди необозримых закаспийских песков, поэзия туркмен, почти вовсе неизвестна европейскому читателю. А между тем, здесь создавалась и богатая народная песня и даже, подчас сливавшаяся с ней, интересная письменная поэзия. Старым туркменским поэтам и посвящена наша статья.

Яркими национально-политическими поэтами являются Зелили и Сеиди, конца XVIII и начала XIX в. Биография обоих довольно темна. По одной версии, они оба были южане из племени Гоклан с Атрека и Гюртеня, Зелили был родственником и учеником крупнейшего туркменского поэта Махтума Кули. По другим преданиям, которые вяжутся с текстами его стихов, Сеиди был родом с Аму-Дарьи и бежал на Гюртеня от хивинцев. Есть легенда, что в отместку за нападение на проезжавшего в Персию индусского раджу персы, в союзе с узбеками, разграбили пограничные туркменские земли, и оба поэта попали в плен: Зелили в Хиву, а Сеиди в Персию. Первый, повидимому, вышел на свободу, Сеиди же был убит в плену, и его стихотворение, где он прощался с родиной, оказалось пророческим ¹⁾.

Зелили — глубоко национальный. Все его песни наполнены одним мотивом — тоской по родине и ненавистью к поработителям. Но вариации этого мотива разнообразны. Лирически звучат его описания поки-

¹⁾ Сообщено мне А. Куль-Мухамедовым.

нутой родины, но и здесь играет роль не столько природа, сколько прелесть военного быта и выпады против врага:

«Бьется сердце, и так голова тяжела.
Мои грезы несутся к тебе, о родная страна.
О, Атрек и Гюргень, те места, где юность текла.
Мои грезы несутся к тебе, родная страна.
Наши горы, — обитель оленей и горных козлов,
Где прохладные падают с камней ручьи,
И вода, как хрусталь, среди вечных зеленых дубов....
Моя родина, грезы к тебе несутся мои».

«Молодцы лихие, на буйных конях,
С сердарем во главе отправляются в путь,
Батыри *) превращают крепости в прах.
Край родной, тоска по тебе сжимает мне грудь.
Зелили ненавидит тот край, где он должен томиться.
Люди хмурятся здесь и заняты каждый своим,
Нет здесь праздников светлых, беседа не может родиться,
Моя родина, как я томлюсь по просторам своим».

В другом стихотворении он описывает свое положение в плену:

«Пресыщен долею тяжелой,
Я цепи пленника несу;
Далеко крут друзей веселый,
А я — стада врагов пасу.
Придавлен горькою нуждою,
Без сна терплю позорный гнет —
Как будто тысячи забот,
Висят над слабой головою».

Его томит стыд за унижение родины, за трусость окружающих его, и он утешается только мечтами о скорой гибели врагов:

«Народ бежал в безумном страхе,
Отдав узбекам край родной;
Теперь пойдем, влачась во прахе,
Мы цену родины святой.
Мечты о счастье нас предали,
Душа огнем опалена,
С нее покровы все сорвали,
Она болит, обнажена.

*) Лихие всадники, богатыри.

Как будто пламенной одежды
Прикосновение палит,
Но и Хиве печаль грозит
И тают радость и надежды».

Сеиди не обладает таким пламенным боевым темпераментом и такой силой реализма, как Зелили, но зато он более тонкий лирик. Очень интересно его предсмертное стихотворение, письмо из плена к Зелили, интересно как содержанием, так и формой; это газель, с постоянной рифмой на один звук во 2-ой и 4-ой строках.

«Суждено мне печальной судьбою—
Этот мир обманчивый, лживый, прости.
Моя родина, край мой родной,
Астрабад, Мазандеран, прости.
Как Рустем, я пылал в бою,
Но надежде в цепях нельзя зацвести.
Как вино, я пил юность мою,
А теперь — власть и радость и все — прости.
Не надейся на дни своей жизни —
Лишь по черным очам безвозвратным грусти.
Степи буйные, там, на отчизне,
Где я вольный скакал весною, — прости.

В то время, как Зелили гремит против врагов, Сеиди весь уходит во внутренние переживания. Он в плену, он ждет смерти и прощается со всем, милым его сердцу — со «звуками саза», «беседами друзей», «золотым Кораном», с «богатым и почетным домом», со «святыней матерью», которая «кличет сына, как верблюдица».

«Вы со мной ушедшие в бой,
Вы неверным дали меня оплести,
О друзья, моих сверстников рой.
О заветные, братья по духу, прости.

Он в «страшной сети», он видит уже «свой труп с отсеченной главой», и последний его вздох несется к любимой жене:

«О, избранница, милая, друг,
Чаровавшая сердце в моей груди,
Ты, чьи брови, как черный лук,
Чьи ресницы, как острые стрелы, — прости,
Друг мой здесь и там, на залобном пути,
Радость глаз моих, Хатиджа-джан, прости».

В одном стихотворении Сеиди описывает земледельческий быт туркмен под властью бухарских ханов и разорение их бухарскими

войсками, после чего он бежал на юг. Описание его, как и у Зелили, конечно, дышит пристрастием; они оба изображают мирную жизнь туркмен, терпящих от узбекских набегов, тогда как на самом деле это были обычно лишь жестокие ответы на туркменские альманы.

«Я с мотыгой, друтих кормя, надрывался,
Душу родине отдал на трудном пути,
Под ярмом бухарских хераджей¹⁾ сгибался,
Ты остался, замученный край мой,—прости.
Помню башенный двор и гостей наших милых,
Здесь стореда душа—ей вновь не цвести,
Кучка подлых предателей все погубила,
Двор раскрыл теперь пасти ворот,—прости.
Даже силы иссякли, чтоб крикнуть проклятье,
Сколько зим, сколько весен успело пройти,
Но стоит наша роща в сияющем платье,
Воду пьет из Аму, как и прежде,—прости.
Бедный люд днем и ночью искал защиты,
Но за взятку изменник продал свой край.
Дикий финик, кривой, на равнине открытой,
Ты остался в далеком тумане, прощай».

[Если Зелили и Сеиди корнями своего творчества уходят в национально-политическое переживание, то крупнейший, по оценке самих туркмен, их поэт Махтум Кули весь поглощен философскими проблемами, «проклятыми вопросами» о смысле жизни.) Мы не останавливаемся в настоящей статье на поэзии М. Кули, так как она заслуживает особого, специального этюда, и приведем несколько образцов туркменской лирики.

Ярким представителем любовной лирики является изящный, утонченный Мулла Непес из Мерва. Туркменский реализм самобытен и окрашен местным колоритом; что же касается до эротических мотивов, то они гораздо шаблоннее и проникнуты влиянием персидских образцов. В восточной поэзии чувственная страсть всегда диссонирует с реальным положением женщины, с которой мужчина не может разговаривать, не может даже увидеть ее. Конечно, возможны исключения, бывают и действительные любовные переживания, особенно интенсивные, когда они сопряжены с опасностью и тайной, наконец, встречается горячая любовь к «законной жене», как мы это читаем хотя бы у Сеиди. Но большей частью чувствуется отрыв поэзии от жизни, горячая мозговая фантазия, которая разыгрывается тем сильнее, что не опирается на впечатления и ощущения действительной жизни. И вот в голове

¹⁾ Налоги.

рождаются образы невиданных красавиц, черных кудрей, звездных очей, белоснежного тела и пламенных объятий. И образы эти застывают в некотором шаблоне. Но у таких художников, как Гафиз, они все таки подкупают своей художественной убедительностью; в них верится.

То же надо сказать и о Мулле Непесе. Стоит прочесть хотя бы одно из его стихотворений:

«Я в цветущем саду одиноко бродил,
И припомнились мне твои губы веселые,
Твои щеки румянец живой золотил,
Как плоды гранатов и яблонь тяжелые.
Твои черные кудри, как иней легки,
По плечам, как плакучая ива спадая,
Расцвели и сплелись в густые пучки....
Ты мне вспомнилась вся, и стоишь как живая.
Твое тело — сияние полной луны,
Как бумага, белы твои нежные руки,
Ты стройна, словно тополь нагорной страны.
Боль томящих объятий я вспомнил в разлуке.
Я сегодня до цели дойду спокойный,
Но я так измучен, я так страдал,
Что мой стан, как алиф, прямой и стройный,
Он теперь согнулся, кривой, как дал,¹⁾.
«Я, Непес, в былом сторев, умираю,
Но в обители белой ты так ясна;
Я миндаль твоих глаз с тоской вспоминаю,
Здесь, в саду, где цветет золотая весна».

Важно отметить и другое. Такой индивидуалист, такой поэт любви, как Непес, все таки глубоко народен и подчеркивает, что только в постоянной связи с народной массой певец разворачивается и подымается во весь свой рост. Всякому свое:

Соловей рвется из пышной клетки к цветам,
Джейрон бежит от яств и шербета в приволье степей,
Дню нужно солнце, ночи луна, морю жемчуг.
«Ненасытный богач в истоме могильной
Повернуться не может и с ложа встать,
Но он будет ползти на руках бессильный,
Если деньги случится ему увидеть.
А Непес за своим народом, веселый,
Как певец-соловей за розой, идет,
И к устам его сладким слетаются пчелы,
Чтоб собрать с языка его радостный мед».

1) Алиф и дал, буквы арабского алфавита, одна прямая, другая согнутая.

Непес очень популярен среди туркмен; некоторые его песни распеваются, как народные, например, песня о «Караване журавлей», который летит по небу; поэт просит их «умчаться далеко в Азербайджан» найти его милую и спеть ей песню:

«Моей Ширин черноокой передайте обо мне,
Что Ахмед, ее любимый, умер в дальней стороне».

Не менее популярны его большие эпико-драматические поэмы «Зюпре-Талпыр» и «Хемра», отдельные песни которых тоже распеваются певцами «бахши».

Соотечественник Непеса, Кэминэ из Мерва, известен своими бодрыми мотивами и шутками. Он знает, что жизнь бrenна, что венцом ее является всепобеждающая смерть, но что же из этого. Преходяще счастье, но преходяще и несчастье, а все дело в субъективном реагировании, во внутренней радости, идущей от человека и независимой от фактов:

«Пока еще молод ты, дружбой упейся,
Чтоб память осталась мелькнувших утех,
Лови хоть мгновенье и радостно смейся,
Несчастье пройдет, — но — с тобою твой смех.
Колеса судьбы неустанно кружатся,
Вся жизнь — лишь кочевок покинутых след,
Судьба, как красotka, тебе не отдастся,
Но можешь хранить ты влюбленности свет.
Поет Кэминэ: всех нас смерть ожидает,
И вытянут бедную душу твою.
Наследники скоро добро растаскают,
Довольствуйся тем, что оставил семью».

Перед нами прошли в образцах и отрывках некоторые поэты Туркмении на грани XVIII и XIX в. в последнюю эпоху до русского завоевания. Мы знаем, что главные линии ее — лирика любовная, лирика религиозно-философская и мотивы политической, национальной борьбы, отражающие историю и быт туркменского народа. Но мы отнюдь не претендовали на то, чтобы дать мало-мальски исчерпывающую историю туркменской поэзии, цельную картину ее. Для этого в наших руках слишком мало материалов. Творчество индивидуальных поэтов прежних эпох сливалось с коллективным, народным творчеством; стихи М. Кули, Зелили, Сеиди и Непес не только сохранились в рукописях, но передавались из уст в уста; наряду с постоянно нарастающими новыми народными песнями, они распеваются под звуки «дутара» в отдаленных аулах и в городских «чайханах», специалистами-певцами, «бахши», и каждым пастухом. Вечером после дневной работы мужчины сидят за нескончаемым чаем, в чайхане,

и среди них певец — желанный гость. Поют почти все, поют или на известный мотив и слова или тут же импровизируя мелодию и текст, и попеременно звучат старые песни Махтума Кули и Сеиди, или такие, которые отражают новую жизнь и новые события, войну, борьбу с басмачами. Немудрено, что и творения крупных поэтов, сохраненные в рукописях, переписываются в разных вариантах, и предстоит еще большая работа по критике текста. Ее уже начали; Госиздат ТССР выпустил собрание стихотворений М. Кули и готовит издание Зелили и Сеиди. Поэтому русский переводчик может пока дать только «странички», только немногие образцы.

В заключение несколько слов о переводе. Все приведенные стихотворения переведены автором статьи, при помощи т. Бекки Бердиева, который выбирал тексты из рукописей старых поэтов, делал критическое сличение разных вариантов, и, прочитывая их совместно со мной, давал мне точный прозаический перевод, по которому мною уже был обработан поэтический ¹⁾, при чем я все время стремилась к наибольшей точности его. Сохранен тип рифмы через строку; труднее было передать размер, так как туркменская метрика совершенно не соответствует русскому тоническому стихосложению, но мы все время старались выбирать наиболее близкие размеры.

Полное собрание наших переводов, больше тридцати стихотворений, приобретены для печатания отдельной книгой Госиздатом ТССР. В виду крайней задержки издания, желательно, мне кажется, познакомить русского читателя хоть в выдержках с этой яркой и интересной страницей поэтического творчества.

¹⁾ Переводная работа такого типа, при помощи точных подстрочников, данных знатоками своего языка, была проделана в свое время с армянской и еврейской поэзией; так Брюсов, Вальтрушайтис и др. русские поэты переводили, напр., при помощи Л. Яффе Бялика.